

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ГРАНИЦЫ АРХИТЕКТУРНОГО ТИПА СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМА

УДК 726.036:271.2

Н.А. Петров-Спиридонов, Н.А. Коротаев

Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

Аннотация

В статье изложены результаты исследования о связи религиозно-философских категорий православного вероисповедания и вопросов архитектурной типологии православных храмов в современности. Показана эволюционная двойственность в отношении типологического развития архитектуры православных храмов. Храмы эволюционируют, сохраняя цель и единство изначального смысла формирования сакрального храмового пространства. Социальные и градостроительные изменения условий формирования архитектурного типа и образа православного храма в современности уравниваются воздействием понятийного наполнения архитектурного образа на основе традиционных религиозно-философских ценностей и подходов.¹

Ключевые слова: храмовое зодчество, Русская Православная Церковь, архитектурный тип православного храма, эволюция архитектуры храмов

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL BOUNDARIES OF AN ARCHITECTURAL TYPE OF MODERN ORTHODOX CHURCH

N. Petrov-Spiridonov, N. Korotaev

Moscow architectural Institute (state Academy), Moscow, Russia

Abstract

The article presents the results of a study on the relationship of religious and philosophical categories of Orthodox religion and issues of architectural typology of Orthodox churches in modern times. The evolutionary duality in relation to the typological evolution of the architecture of Orthodox churches is shown. Temples evolve, preserving the purpose and unity of the original meaning of the formation of the temple space. Social and town-planning changes in the conditions of formation of the architectural type and image of the Orthodox Church in modern times are balanced by the impact of conceptual content of the architectural image on the basis of traditional religious and philosophical values and approaches. A partial comparison of the orthodox churches with the churches of traditional Western denominations from the point of assessing the religious and philosophical boundaries of the architectural type.²

Keywords: Church architecture, Russian Orthodox Church, an architectural type of the Orthodox Church, the evolution of the architecture of the

¹ **Для цитирования:** Петров-Спиридонов Н.А. Религиозно-философские границы архитектурного типа современного православного храма / Н.А. Петров-Спиридонов, Н.А. Коротаев // Architecture and Modern Information Technologies. – 2019. – №3(48). – С. 78-91 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://marhi.ru/AMIT/2019/3kvart19/PDF/06_petrov.pdf

² **For citation:** Petrov-Spiridonov N., Korotaev N. Religious and Philosophical Boundaries of an Architectural Type of Modern Orthodox Church. Architecture and Modern Information Technologies, 2019, no. 3(48), pp. 78-91. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2019/3kvart19/PDF/06_petrov.pdf

Постановка исследования

Святитель Феофан Затворник писал *«Не поражайте храма суемудрием и своеволием, иначе умрете духом. Здесь разумеется не вещество храма. Вещественный состав его нередко стареет, сгорает, разрушается, а принадлежащие храму, несмотря на то, все еще остаются живыми духом...»* [1]. Не обсуждая отдельно то, что эти слова по существу есть пророчество в отношении разразившихся вскоре гонений на веру в XX веке, отметим важнейший факт: «сuemудрием и своеволием», если действовать противоположно словам святителя, человек поражает как сам себя, свое единение с Богом, так и нарушает понятийные, умственные границы храма. В аспекте работы это означает, что православный храм как архитектурно-пространственное образование обязательно имеет некие типологические границы при всем возможном полиморфизме. В какой мере понятийные границы храма можно отождествлять с конкретным объёмно-пространственным воплощением и художественно-архитектурными решениями – это открытый вопрос, но что связь понятийного наполнения пространства храма и конкретики его архитектурных решений существует – это общеизвестно.

Цель работы – по возможности описать религиозно-философские границы архитектурного типа современного православного храма в том виде, в каком они могут быть применены проектировщиками храмов в их непосредственной деятельности. Разумеется, говорить о религиозно - философских границах пространства православного храма вообще – это генеральная тема, раскрытие которой в одной статье невозможно.

Задачи исследования можно сформулировать так: 1) описать, какие религиозно-философские или понятийные категории являются определяющими в отношении архитектурного типа православного храма; 2) по возможности установить, отличается ли чем-либо принципиально современность от минувших столетий истории России в отношении того, как именно связаны религиозно-философские категории православия и границы архитектурного типа православного храма?

Предмет исследования – это область существующих, но сложно или вовсе вербально неформализуемых связей между основными положениями православной веры и базовыми композиционными принципами храма, или его «архетипом» и «типом».

Объект исследования – православные храмы, на территории России прежде всего.

Что именно подразумевается под словами «границы архитектурного типа православного храма»? Теоретические проблемы архитектурного типа (вообще, не применительно к храмам) достаточно детально были рассмотрены В.В. Карповым [2]. Авторами статьи произведены некоторые уточнения определения архетипа и типа применительно к православным храмам [3]. Вопрос о границах архитектурного типа православного храма сложен, т.к. само по себе православное богослужение не требует особой формы храма как неперемного условия. Поэтому речь идет о следующем: какие именно здания однозначно идентифицируются сознанием как «православная церковь», даже при степени руинированности 80-90%? Т.е. в данном случае научный критерий вполне законно можно отождествить с бытовым (поведенческим) – если человек не задумываясь говорит об архитектуре – «да, это церковь», имея в виду православный храм – то это и есть типологическая граница архитектурного типа храма. Естественно, о приспособленных, ранее существовавших в иной функции зданиях также говорят «это – церковь», но не на основе впечатления от архитектурного образа – либо просто зная, либо при наличии на здании православного креста или вывески.

Ставшие постулатами формулировки часто также подразумевают типологические границы архитектуры православного храма, основанные на понятийных категориях – например, положение «храм – образ Вселенной» подразумевает то, что даже при самых малых габаритах здание православного храма своим архитектурным образом должно «превосходить» здание утилитарное. Идеалистическое содержание архитектурного

образа, обращенность ко всему мирозданию и одновременно принятие в себя всего сущего во Вселенной становится главным в образной системе архитектуры. Самое удивительное, что эта сверхзадача в прошлом весьма успешно решалась смиренномудрием образа, а не активными объёмно-пространственными построениями и перенасыщением декора. Следовательно, связь типологических границ архитектуры православного храма и понятийных категорий прослеживается и здесь: религиозная категория, определяющая мировосприятие и поведение человека, влияет на объёмно-пространственные и архитектурно-художественные решения. Крайне сложно сформулировать словами, на основании чего же именно человек выносит для себя суждение: «это – Дом Божий на земле»? Голос вечности, точнее, пробуждаемое архитектурным образом чувство вечности, рождается не от умения создавать внешние декоративные эффекты, но прежде всего оттого, что объёмно-пространственная композиция храма идейно «обработана» воздействием религиозно-нравственных посылов души человека. Как общеизвестный факт можно привести то, что не масса декоративных достижений, не обилие художественно проработанного пространства является главным требованием для того, чтобы человек сказал: «это – православный храм», хотя, разумеется, светское искусство в должном применении не противоречит несколько такому определению. Самые простые храмы, как церковь Лазаря Муромского в Кижях, без каких-либо «долей» отвечают на вопрос – есть ли это православный храм? По мнению авторов, это, наверное, стоит признать важной научной загадкой – т.е. что именно образует такой узел пространства, который сердце и сознание человека однозначно определяет как православный храм?

В смысле вышеизложенного можно даже предложить разновидность определения как типа, так и архетипа архитектуры православного храма. Так, *архетип и тип архитектуры православного храма есть результат явно выраженного воздействия религиозно-нравственных и философских посылов православной веры на объёмно-пространственную и художественную организацию пространства храма и его архитектурную композицию.*

Итак, задача исследования состоит в прежде всего в выяснении вопроса о том, какие объёмно-пространственные и художественные решения архитектуры православного храма можно считать не нарушающими основные религиозно-философские категории православного вероисповедания, или, говоря упрощённо, – что остаётся «в пределах» архетипа (или типа) архитектуры православного храма по существу, и что (в отношении архитектуры) выпадает из главного типологического определения «это – православный храм»?

Было ли деление храмов на разные категории (типы) в минувшие века в России?

Разумеется, речь не идет об обычных градостроительных и функциональных делениях – собор, монастырский собор, приходской городской храм, сельский храм, часовня и т.д. Прямых фактов деления архитектуры храмов на какие-либо иные категории, хотя бы относительно адекватные «типологическим категориям» в современном научном понимании, скорее всего в прошлом не было, т.к. практика церковной жизни была более непосредственной и вопросы достаточно абстрактного системного анализа церковной архитектуры в современном виде вряд ли ставились. По мере развития печатного дела, как известно, начинали издаваться альбомы храмовой архитектуры, в основном, конечно, Синодального периода. Храмы группировались в подобных альбомах естественным образом по значимости, стилям, габаритам, предназначению для города, монастыря, села и т.д. Выявить какие-либо связи исследуемого характера в смысле описания религиозно-философских границ архитектурного типа православного храма по альбомам XIX – начала XX веков напрямую практически невозможно.

Агиографические источники в некоторой степени позволяют прикоснуться к исследуемой теме, хотя следует сразу оговориться, что цели авторов – составителей житий и цели

авторов данной публикации сильнее всего отличаются, что поневоле делает мнения авторов данной статьи достаточно субъективными.

Киево-Печерский Патерик об архитектуре храмов XI века приводит, в сущности, следующие сведения. Само здание храма, естественно, не находилось в ряду зданий утилитарных, о чем говорит и место для его возведения. Особые явления, или знамения, указывали место будущего храма. Мера и пропорционирование храма также имели неотмирный смысл. Пояс, принесенный князем Шимоном от чудотворного образа, использовался как мера для плана и высотных ярусов храма [4].

Следовательно, ожидать подходов прагматических или абстрактно-числовых (узко геометрических) в отношении деления храмов на какие-либо архитектурные типологические группы в средневековье, видимо, не стоит. Имея целью основной смысл – святыню храма, а не частные характеристики, в позднейшее время по существу выходящие на первый план и подогнанные под моду или запрос какой-либо определенной группы людей – зодчие и писатели той эпохи если и хотели как-либо разделить храмы (за исключением общего деления на соборы, приходские и т.д.) – то, вероятнее всего, они делили их непосредственно по тем мотивациям и критериям, по которым они строились. Отметим особо, что, как указано выше, цели написания текстов средневековых авторов и цели авторов статьи различаются, и, возможно, настолько, что авторы статьи со своей точки зрения видят или хотят увидеть некие «деления» православной храмовой архитектуры в средневековье по нескольким словам, которые авторы оригинала могли считать не первостепенными, во всяком случае, не нацеленными на описание градаций православной храмовой архитектуры в контексте статьи.

Формулировки текста Стоглава, гл. 84, относительно категорий православной храмовой архитектуры достаточно своеобразны – там нет ни слова о делении архитектуры храмов по художественно-архитектурным (стилевым) признакам, но есть указания на возможное деление храмов по мотивациям их возведения – ради веры в Бога либо ради разновидностей тщеславия [5]. Для нас важно само наличие деления храмов на некоторые градации, кроме градостроительно-функциональных. Дословно в тексте гл. 84 Стоглава написано так: *«О сем вельми подобает епископом, коемуждо во всей области, бреши по священным правилам и не попускаю мирским людям новых церквей поставляти, а старые церкви презирати и небрегоми держати. Мнози бо человецы не Бога ради церкви созидают, но тщеславия ради и гордости, и мест ради, и жен своих. Нецыи же от снов смущены и от бесов прельщаемы лжут и возлагают на себя обеты, и того ради хотят церкви воздвизати и молитвенные храмы поставляти»*. Иными словами, уже на период середины XVI века (возможно и ранее) мы имеем свидетельство о сущностной, религиозно-философской оценке православных храмов и, соответственно, их архитектуры прежде всего, а оценка стилевая, архитектурно-художественная и геометрическая остается на втором плане.

Применительно к современной системе оценки типологии можно сказать следующее: «морфотип», или основная объемно-пространственная и архитектурно-художественная композиция православного храма в упомянутом средневековом понимании – это не исчерпывающая характеристика, иногда, возможно, просто отдельная частность, относительно мало влияющая на сущность архитектурного образа, смысл которого – сама святыня храма. Это, с точки зрения современного понимания, своего рода парадокс – в XIX-XX веке сложилась традиция почти антагонистически делить архитектуру храмов по стилям и годам, причем не только по названиям общемировых традиционных стилей, но и по именам архитекторов. И тем более разрозненными (в современном понимании) являются характеристики композиционные – слова «одноглавый», «пятиглавый», «шатровый», «кораблем» звучат нередко почти как названия разных созвездий, отстоящих друг от друга на миллионы световых лет. Есть основания думать, что средневековое сознание не «делило» архитектуру храмов, но скорее «измеряло» ее по степени выразительности в смысле религиозных переживаний, по степени «задушевности», искренности веры, а потом уже по геометрическим и эстетическим

признакам. К сожалению, в таком именно сопоставлении вряд ли можно встретить формулировки в исторических текстах. Иными словами, на первом месте стояло то, что сердце и сознание «впечатлялось» большей или меньшей мерой проникновенности зодчества, а характеристики численно-параметрические отходили на второй план. Условно говоря, будь собор Василия Блаженного в три раза меньше, он занял бы в сознании поколений то же место.

И тем более существенным представляется вопрос – а что же собственно создает типологические границы здания православного храма в смысле религиозно-философских категорий? Через какую границу в понимании Стоглава надо было перейти, чтобы задуманный или построенный зодчим храм отнесли к возведенным не Бога ради, а тщеславия ради?

Весьма наивно и совершенно ненаучно было бы априори полагать, что означенная граница как-либо изменилась от времен Ивана Грозного к современности. Скорее, изменилась сумма ассоциативных (архитектурно-художественных) стереотипов в обществе, что неизбежно происходит на протяжении веков. Но это лишь «настройки восприятия», но еще не сам объект восприятия, т.е. православный храм.

Итак, можно говорить о том, что привычные стереотипы XIX-XX веков заслоняют нередко видение и понимание того, что мы именуем «типологическими границами архитектуры православного храма». Почему? Потому что стереотипы эти основаны, прежде всего, на весьма категоричной дифференциации архитектуры (не храмовой, а любой) по внешним стилевым и художественным признакам, либо по принадлежности к почерку определенной школы или архитектора. И при этом субъектам, составляющим арсенал таких ассоциаций, как правило, придается статус антагонистов (по отношению друг к другу), и, если не антагонистов, то не совместимых между собой индивидуумов. Это лишает возможности подобные умственные конструкции участвовать в оценке того, что мы именуем «типологическими границами архитектуры православного храма». Если на первом месте в восприятии находится то, что храм – «барочный», или «ампирный», или «архитектора Померанцева», «архитектора Покровского», но не святыня храма на первом месте, и сама мера выражения святыни в архитектурном образе мало обсуждается, то пользоваться подобной системой сравнения и анализа в аспекте работы вряд ли возможно.

Поэтому, рассуждая о том, а были ли в минувшие века какие-либо деления архитектуры православных храмов на типологические (в нашем понимании) категории, и были ли они вообще тогда нужны, нельзя упускать из виду, что арсенал слов и понятий XIX-XX веков может быть недостаточным для формулирования необходимых для настоящего исследования положений. Ответить на вопрос: а как же именно стыкуются между собой основные религиозно-нравственные категории православной веры и упомянутые архитектурные термины и понятия XIX-XX веков? – двумя словами тем более невозможно. Отсюда возникает главная сложность настоящего исследования: прямых методик и критериев оценки воздействия основных положений православия на формирование архитектурного типа (и архетипа) храма как таковых нет. И заменить эти методики на методики определения принадлежности архитектуры православного храма к стилевым или авторским течениям в понимании этого вопроса в научных и научно-публицистических традициях XIX-XX веков, как показано выше, напрямую тоже невозможно. Отметим, что невозможно, в том числе, и из-за того, что крайне сложно распознать мотивации применения тех или иных стилистических и архитектурно-художественных приемов – возможно, создатели храма следовали принципу «каждое дыхание да хвалит Господа» и в этом стремлении применяли приемы определенного понятного и современного им стиля, как дополнения; а возможно, что создатели стояли на позиции главенства стиля или формы (в их личном понимании) над значением и важностью пространства храма как такового. В последнем случае тип храма в каких-то случаях появлялся как традиционный стереотип мышления, и не исключено, что без глубокого проникновения в религиозную сущность. С течением времени, естественно,

накапливались стереотипные приемы, что становилось внешней заменой некогда вкладываемого религиозного смысла, т.е. религиозное переживание охлаждалось.

Генезис архитектурного типа и архетипа православного храма как отображение богословского познания и практического опыта духовной жизни

Однако, несмотря на сложность названных проблем, существует весьма важное указание на то, что же именно выделяет архитектуру православного храма в отдельный род архитектуры, внутри которого возможно построить свою типологическую иерархию – архетип, группы типов, типы и т.д. Речь идет не только о наборе всем известных внешних признаков. Много более важная вещь, отмеченная, в частности, В.В. Байдиным, заключается в следующем [6]. Очень выразительный речевой оборот – что храм должен быть «вкоренен в небе, а не в земле» тоже задает определённые типологические границы, и, по существу, этот оборот представляет собой бытовое, «мирское» прочтение богословских категорий.

Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Никто не мог бы построить даже одну стену из камня и извести, подвергаясь гонению и встречая препятствия; а они устроили столько церквей по всей вселенной, подвергаясь ранам, узам, гонениям, ссылкам, отнятию имений, бичеваниям, задушению, сожжению, потоплению вместе с учениками, и устроили не из камней, но из душ и волей человеческих, что гораздо труднее построения из камней. Не все равно, построить ли стену, или душу, столько времени бывшую во власти демонов, расположить к покаянию и от безумного неистовства обратить к целомудрию» [7].

Что это означает? Что тип (и архетип) архитектуры православного храма развивался не просто как последовательность объёмно-пространственных видоизменений, но как системная деятельность, основанная на практическом богословии, т.е. на религиозном опыте познания божественных начал бытия. Образно говоря, в объёмно-пространственном и эстетическом устройстве православного храма должно было отображаться то, что делал в своей жизни верующий человек, будь то монах, мирянин или приходской священник. Архитектура православного храма теснейшим образом входила в круг жизни определенного слоя людей и становилась выражением особенностей жизни именно этого локального сообщества. Это достаточно сложный макро-процесс, который возможно увидеть только при крупных обобщениях. Сами факты дифференциации, например – выделение особенностей монастырской и приходской архитектуры, появление архитектурных нововведений, как храм Параскевы Пятницы на Торгу в Великом Новгороде под влиянием пожеланий заказчиков, говорит о стремлении не только найти эстетическое «самовыражение», но и стремление найти в архитектурном образе храма *духовный, небесный* отклик на уклад жизни конкретных групп людей. Таким образом, оставаясь принадлежащим небесному, храм своим обликом становился практическим воплощением церковной жизни круга конкретных людей.

И это постепенно накапливалось во времени и образовывало то, что ныне суммируется под словом «эпистема» (греч. «наука», «знание»), это – не сумма схоластической информации, собираемой «на бумажном носителе» (или другом) и оторванной от реальной жизни. Познание как процесс духовного развития человека и как процесс формирования церковного искусства и зодчества в том числе, сближались и, возможно, сливались воедино в высших точках. Не случайно о. Павел Флоренский говорил, что икона Святой Троицы прп. Андрея Рублева есть одно из самых наглядных свидетельств бытия Божия в нашей жизни – и это само собой подразумевает то, что письмо иконы – запечатлённый результат познания божественных начал бытия, т.е. много более глубокое действие, чем личностное самовыражение. Явить миру равноценный по силе выражения архитектурный образ храма явно невозможно без сходного глубинного познания религиозных основ.

Можно полагать, что архитектурный тип (и архетип) православного храма «впитывал» в себя опыт практического богопознания – опыт поступков в реальной жизни и опыт участия

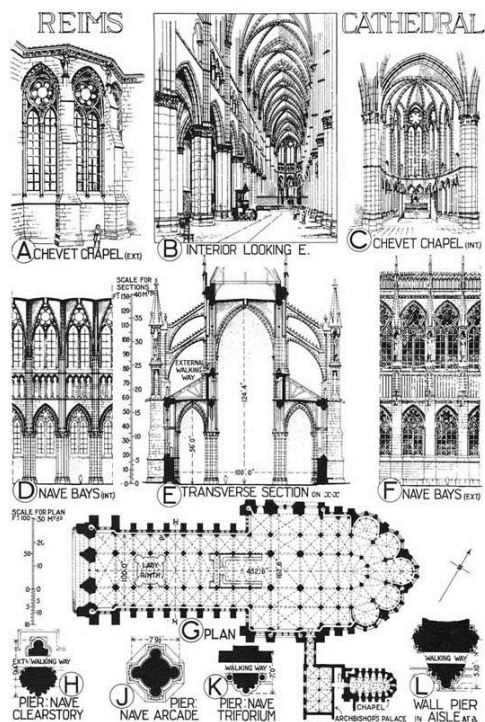
в Таинствах, т.е. опыт духовной жизни. Казалось бы, это достаточно очевидно и будто бы не требует научных дискуссий с целью доказательства этого положения. Но если задаться вопросом о границах архитектурного типа православного храма как отображении основного содержания православного вероисповедания, то попытки научного осмысления и исследования различных сторон этого явления представляются далеко не пустыми.

Изначальный опыт устройства помещений для христианского богослужения в Риме уже интересен тем, что комната для богослужений в доме – это по существу некий прообраз устройства Церкви как общности верующих на земле, в которой неразрывно связаны и прихожане, и священство, и одно без другого не может существовать. Об этом в современности (и в житейском обиходе, и в профессиональной архитектурной деятельности) часто забывают. Здание храма часто мыслится как нечто декоративно-абстрактное, как «вставка» в застройке города или поселения. В действительности, осмысление «границ» архитектурного типа православного храма, вероятнее всего, должно начинаться именно с размышлений о том, что Церковь по существу есть единое сообщество всех входящих в нее людей. Древнерусская и средневековая храмовая архитектура Руси прекрасно это улавливала. Храмы (хотя бы немногие дошедшие до нас) – это не вставки одного смыслового поля, условно – «церковного», в другое смысловое поле – «поселение», но, напротив, полное, соборное *в церковном понимании* единение в архитектурном образе всех состоящих в Церкви людей.

Таким образом, типологически результат воздействия установки о том, что православный храм архитектурой отображает и образ Вселенной, и устройство Церкви как общности верующих – явно выражается самой базовой компоновкой пространства, причем как в горизонтальном измерении, в плане, так и по высотной оси. В этом существенное отличие от принципов католической архитектуры, что проявляется уже в XII веке (рис. 1). В православном храме между наосом и алтарем существует строгая граница, алтарь не окружают апсиды, как таковые не являющиеся частью алтаря. Т.е. пространственно выражена не только семантика разделения на символ Горнего Мира – алтарь и наос – землю, но и семантика устройства Церкви – нераздельное единство мирян и священства. То, что в католической компоновке плана алтарь, по существу, окружен другими объемами, с одной стороны, сходно с принципом компоновки православного храма, с другой – именно наличие строгой границы – иконостаса – обеспечивает полноту религиозного мировосприятия в храме. Граница между Горним Миром и земным неприкосновенна и сама по себе является святыней в православном миропонимании; это творение Божие, которое человек да не дерзает даже мысленно подвергать какому-либо своеволию. В отношении архитектуры можно предположить, что именно семантическое обозначение этой границы – линия на плане и иконостас как таковой в реальном пространстве и есть основа композиции православного храма. Объемно-планировочные решения уже словно вторичны. Но в действительности ничего парадоксального в этом нет. Храм может быть без куполов и без окон, но без алтарной преграды он не существует (тогда это уже часовня), и то – в случае совершения службы на временном престоле само наличие антиминса подразумевает смысловое деление пространства на две части.

Простое сравнение типичного готического собора и русской архитектуры XII века говорит о том, что не только план православного храма выражает собой важнейшие религиозные установки. Для высотной (тектонической) компоновки православного храма характерна принципиальная «двухъярусность», пришедшая от Софии Константинопольской. Образно-символическое рассмотрение византийских храмов с рассмотрением религиозных основ образа в отечественной литературе одним из первых дано Г.К.Вагнером [8]. Это двухчастное деление также недвусмысленно ассоциируется с мыслями о возношении мира земного к Миру Горнему как цели бытия человека. Система барабанов с куполами – это не только ассоциация с облаком как зримым явлением «земного неба», это яркий символ Мира Горнего, возвышающего, поднимающего к Небу мир земной. Заметим, что единый объем западных соборов, средоточие которого

представляет собой (в разрезе) психологически «тянущий» вверх человека *динамический* объем, замыкаемый также *динамической* стрельчатой аркой, как правило, – это всегда одно неделимое *геометрически* пространство, а не два, иначе пропадает эффект чисто психологического, создаваемого динамикой «втягивания» человека вверх *физически*.

а)

б)

Рис. 1. Подходы к организации пространства соборов в Раннем Средневековье: а) собор в Реймсе, XIII век, план, разрез, архитектурные фрагменты; б) Николо-Дворищенский собор, Великий Новгород, XII век. Внутреннее пространство собора в Реймсе построено скорее по принципу одночастности, т.е. оно цельное снизу доверху, новгородский собор имеет ясно выраженный второй ярус барабанов – как снаружи, так и внутри, т.е. человек явственно ощущает двухчастное пространство

Православные храмы, во всяком случае старинные, не преследовали цели создания динамических *казенно*, психологически холодно «тянущих» человека вверх объёмов. Напротив, упомянутая вертикальная «двухчастность» вольно или невольно создавала важнейшее свойство пространства храма. Высокие геометрически, но эмоционально находящиеся рядом с человеком своды создавали благодаря насыщению священными образами чувство тепла и присутствия Мира Горнего поблизости, а не в холодной, абстрактной высоте, почти равнодушной к человеку или вовсе задающей тон «религиозной жути». Световой барабан дарил человеку осязаемый свет *вблизи* него, а не в отвергающей человека своим масштабом гигантской строительной конструкции.

В рамках статьи детальный разбор названных вопросов требовал бы большого количества примеров, если пытаться разобрать все частности исследуемой проблемы. На данной стадии исследования представляется более важным охватить картину от прошлого до современности в аспекте статьи.

Тема статьи представляет собой достаточно сложную методическую проблему в том отношении, что объектом исследования являются связи не рационально-прагматические либо параметрические (геометрические), которые можно в итоговом виде представить как таблицу или графическую схему, чертеж. Невозможно также изложить материал в виде:

«в Священном Писании либо в Уставе Церкви написано то-то – и это высказывание имеет такой-то вариант (варианты) объемно-пространственных и художественных решений». Сознание и сердце человека не может воспринимать храм «по частям», как не может переводить положения веры в «табличную» форму, если человек верующий. Поэтому, как мы уже упоминали, главное типологическое определение архитектуры православного храма исходит не от архитекторов и заключается в простых словах «это – православный храм».

Состояние вопроса в практике современного зодчества

Основная проблема, сложившаяся к современности (в аспекте работы), заключается, по нашему мнению, в следующем. Период XX века, начало которого было ознаменовано немалыми достижениями церковного зодчества в трудах Косякова, Померанцева, Щусева и других известнейших архитекторов, после гонений стал серьезнейшим испытанием для отечественного храмового зодчества. Не секрет, что большинство из тысяч вновь спроектированных и построенных православных храмов можно расценивать как внешнее, подражательное повторение исторических аналогов.

Ключевой момент зодчества минувших времен – то, что суммируется под термином «эпистемы» (термин упоминается у Байдина), или непосредственного действия личного освоения какой-либо части знания религиозного, или понимания Бога, понимания Его присутствия в жизни окружающих, в своей жизни, – это *познание* присутствует в современных произведениях в весьма разной степени, что видно невооруженным глазом. Т.е. архитектурное творчество в области проектирования современных православных храмов нередко нацелено более на внешние типологические границы храма – на морфотип и стилистику, – нежели на внутренние границы типа как рукотворного пространства здания, отвечающего на главные запросы религиозного бытия человека. Поэтому возврат понимания религиозно-философских границ типа (и архетипа) архитектуры православного храма – вовсе не такая поверхностная задача, как могло бы казаться на первый взгляд.

Одно из главных свойств выдающихся произведений отечественно храмового зодчества до революции – это способность храма как произведения искусства «собирать воедино» душу человека, т.е. способствовать основному содержанию происходящего в храме. Храм – то место, где человек может очиститься от грехов; в частном случае священник может, разумеется, мог исповедовать людей на выезде, но для архитектуры храма это – одна из важнейших составляющих семантической нагрузки. Храм своим обликом обозначает и само место, где человек очищается от грехов, и говорит о том, что это не во власти самого человека, и лишь во власти Божией. То, что по-бытовому называют «секретами старинного зодчества», по существу, и есть такое умение пробудить семантическими пространственными ходами вышеизложенные мысли и чувства.

Мы говорим о том, что обязательным свойством старинного (пусть идеализированного) – например владимирского, киевского, новгородского храма – является серьезность речи его архитектуры. Одно – когда архитектура повествует о главнейших моментах и событиях в жизни человека в сопоставлении его жизни с Царствием Небесным, другое – когда это повествование практически отсутствует и заменяется на произвольное повторение или переименование старинных форм без попыток внести мысли о вечности.

Важнейшая задача православной храмовой архитектуры – предоставить человеку возможность явного, неложного сопоставления своей жизни с Царствием Небесным – т.е. ассоциативный повтор основного содержания всего круга православного богослужения. И, соответственно, это можно назвать наиглавнейшей мерой архитектурного типа (архетипа) православного храма. Естественно, это никак не согласуется с пониманием типа как механической (или 3D компьютерной) комбинаторики форм и набору числа разновидностей таких форм, не несущих в себе этого главного *обязательства* по отношению к верующим – предоставить возможность соотносить в сердце и в уме Горнее

и земное, в том числе свое личное бытие. Тип православного храма подразумевает неразрывность пространства в том понимании, что человек может войти в означенное внешним видом архитектуры величие Божьего мира – и земного, и Небесного – полностью, а не обнаружить красивые механические ребра снаружи и прямоугольный зальчик с плоским потолком внутри.

Обратимся к многократно помогавшему в сложных вопросах религиозно-философского рода автору – священномученику Илариону Троицкому. Не случайно его статья «Наука и жизнь» завершается цитатой из стихотворения Майкова 1857 года. Приведем это стихотворение чуть полнее. Неужто –

*Оледенелою звездой
Или потухнувшим вулканом
Помчится, как корабль пустой,
Земля небесным океаном.*

*И, странствуя между миров,
Воссядет дух мимолетящий
На остов наших городов,
Как на гранит неговорящий...*

*Так разум в тайнах бытия
Читает нам... Но сердце бьется,
Надежду робкую тая –
Авось он, гордый, ошибется!*

Здесь есть и чаяние верующего человека – что возгордившийся и самозамкнутый, отказавшийся от Бога разум не будет прав, лишившись своего первоисточника – присутствия в себе Бога, Его животворящей благодати, и есть сильнейшие художественные сравнения. «Гранит неговорящий» – это противоположность храму Божию, это холод бетона, лишённого причастности к Горнему Миру, в каких бы тропиках он ни был возведен. Это стихотворение удивительно проецируется на тематику статьи, хотя, казалось бы, описывает совершенно другую сферу достаточно абстрактного атеистического «научного» мировосприятия, зародившегося после эпохи Просвещения.

Архитектурно-художественная типологическая граница архитектуры православного храма – это и есть грань, которая делит «гранит неговорящий» и тепло присутствия Божией благодати, явленное, как известно, во многих старинных образцах зодчества.

Сказанное позволяет завершить работу в желаемой корректной форме без высказываний пожеланий о том, каким же должен быть тип архитектуры православного храма, т.к. такие высказывание неизбежно выглядели бы как некие «поучения» в адрес архитекторов и научных работников. И, наверное, много важнее сказать о том, каким архитектурный тип православного храма быть *не должен*. Он не должен преследовать идею создать «гранит неговорящий» – в смысле «не говорящий» языком благодати, языком бескрайнего неба и земли Отечества, языком памяти поколений. Заметим, «гранит неговорящий» может быть оценен современными жаргонными словами как очень «популярный, активно действующий на человека – модный и т.д.», но это не прибавит ему религиозного чувства и полноты. При всей простоте этой фразы в современности она не лишена смысла: часто архитекторы говорят о поиске согласованности архитектуры нового храма с «современной средой». Но современная среда, особенно участки коммерческо-офисной застройки, внешне совершенно равнодушны и к благодати, и ко греху (на первый взгляд), и к истории Отечества. Поэтому адресация архитектуры (и типа) православного храма к современной «среде» без оглядки – это как раз курс на «гранит неговорящий», совершенно чуждый самому существу веры.

Заключение

Итак, на данной стадии исследования наиболее правильным представляется ответить на главный вопрос работы в общем виде, т.е. не пытаться составить таблицу, где сопоставлены конкретные тексты Нового Завета, богослужебные тексты и конкретные архитектурные формы и приемы православного зодчества.

Главное в архитектуре православного храма – именно то, что мы назвали «предоставить человеку возможность соотносить свою жизнь, окружающее – и Царствие Небесное». Иначе говоря, присутствие святыни – это непереносимое условие, определяющее, в том числе и архитектурную типологию храма. Соответственно, вопрос о типологических границах и в прошлом, и в современности, на наш взгляд, должен базироваться именно на этом.

В современности, видимо, из-за ослабления по вполне понятным историческим причинам реально существующего знания религиозных основ жизни, понимание того, что же именно является типологическими границами архитектуры православного храма в некоторой степени размыто. Отсюда рождаются и попытки достаточно «слепого» новаторства без понимания сути вопроса, в результате чего рождаются формы холодные, не согретые внутренним молитвенным теплом и не стремящиеся к небу как огонь, если вспомнить сравнение Е.Н. Трубецкого. Они скорее напоминают вымученно втянутые вакуумным насосом в некие формы пластиковые оболочки, которые по законам реологии при изменении температуры с радостью вернулись бы в исходное состояние заготовки (рис. 2).

Рис. 2. Один из современных «поисковых» образцов с неотчетливыми типологическими границами. Образ балканского храма. Малый храм для Русского Юга

Частный пример, изначально разработанный одним из авторов совсем не как «ответ» на подобные поиски, причем разработанный до написания данной статьи, может быть, способен служить некоей иллюстрацией к рассуждениям о типологических границах архитектуры православного храма (рис. 3). Тектоника, в принципе, может вполне быть более активной (за счет бетонных оболочек, позволяющих достичь переходов кривизны, практически недоступных армокаменным технологиям). Но более активная тектоника в уровне сводов, чтобы не нарушать принципа «двухчастности» по высоте, в этом случае должна компенсироваться и более активным развитием яруса барабанов и куполов,

чтобы выполнялось правило: «верхняя часть визуально-ассоциативно возносит нижнюю, земную часть здания храма к Горнему».

а)

б)

в)

Рис. 3. Макет соборного храма: а, б) с вариантами верхнего яруса, выполненный Петровым-Спиридоновым Н.А. в 2018 г.; в) макет соборного храма, выполнен при участии магистранта А.В. Рагулиной (изначально предполагался для проекта собора в г. Мирный Архангельской области)

Источники иллюстраций

Рис. 1а. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://i.pinimg.com/736x/36/5e/5b/365e5b942000a5015d856e3855a7f2a8--reims-cathedral-gothic-architecture.jpg>

Рис. 1б. Фото Петрова-Спиридонова Н.А, январь 2017 г.

Рис. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://simeonn.livejournal.com/8477.html?thread=8221>

Рис. 3 а,б,в. фото Петрова-Спиридонова Н.А, июль 2019 г.

Литература

1. Феофан Затворник (святитель). Сборник слов и проповедей о нашем отношении к храмам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/sbornik-slov-i-propovedej-o-nashem-otnoshenii-k-khramam/
2. Карпов В.В. Эволюция концепции архитектурной типологии: автореф. дисс. кандидата искусствоведения. – М., 1992. – 27 с.
3. Петров-Спиридонов Н.А. Информационно-логическое и историческое наполнение понятия архетипа русского православного храма // Architecture and Modern Information Technologies. – 2018. – №3(44). – С. 124-146 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://marhi.ru/AMIT/2018/3kvart18/07_petrov/index.php

4. Киево-Печерский Патерик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/kievo-pecherskiy_paterik/1, https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/kievo-pecherskiy_paterik/2
5. Стоглав. Собор 1551 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sidashtaras.ru/img/dejania_stoglava_1551.pdf
6. Байдин В.В. О новом образе русского храма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archi.ru/russia/36706/o-novom-obraze-russkogo-hrama>
7. Святитель Иоанн Златоуст – Полное собрание творений. – Том 1. – Часть 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://svyatye.com/chitat/Sviatitel-loann-Zlatoust-Polnoe-sobranie-tvorenii-Tom-1-Chast-2/22452/>
8. Вагнер Г.К. Византийский храм как образ мира // Византийский временник. – Т. 47. – М., 1986. – С. 163-181 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rusarch.ru/vagner4.htm>

References

1. *Feofan Zatvornik (svjatitel). Sbornik slov i propovedej o nashem otnoshenii k hramam* [Theophanes the Recluse (Saint). Collection of words and sermons about our attitude to the temples]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/sbornik-slov-i-propovedej-o-nashem-otnoshenii-k-hramam/
2. Karpov V.V. *Jevoljucija koncepcii arhitekturnoj tipologii: avtoref. disc. kandidata iskusstvovedenija* [Evolution of the concept of architectural typology. The author's abstract dis. candidate of art history]. Moscow, 1992, 27 p.
3. Petrov-Spiridonov N. Information-Logical and Historical Content of the Term Archetype for the Russian Orthodox Church. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2018, no. 3(44), pp. 124-146. Available at: http://marhi.ru/eng/AMIT/2018/3kvart18/07_petrov/index.php
4. *Kievo-Pecherskij Paterik* [Kiev-Pechersk Patericon]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/kievo-pecherskiy_paterik/1, https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/kievo-pecherskiy_paterik/2
5. *Stoglav. Sobor 1551 goda* [Stoglav Cathedral of 1551]. Available at: http://sidashtaras.ru/img/dejania_stoglava_1551.pdf
6. Baidin V.V. *O novom obraze russkogo hrama* [About the new image of the Russian Church]. Available at: <https://archi.ru/russia/36706/o-novom-obraze-russkogo-hrama>
7. *Svjatitel' Ioann Zlatoust – Polnoe sobranie tvorenij* [St. John Chrysostom is a Complete collection of creations]. Volume 1. Part 2. Available at: <https://svyatye.com/chitat/Sviatitel-loann-Zlatoust-Polnoe-sobranie-tvorenii-Tom-1-Chast-2/22452/>
8. Vagner G.K. *Vizantijskij hram kak obraz mira. Vizantijskij vremennik* [The Byzantine Church as the image of the world Byzantine annals]. Moscow, 1986, vol. 47, pp. 163-181. Available at: <http://www.rusarch.ru/vagner4.htm>

ОБ АВТОРАХ**Петров-Спиридонов Николай Александрович**

Старший преподаватель, кафедра Храмовое зодчество, кафедра Архитектурная практика, Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

e-mail: nicnord@mail.ru

Коротаев Николай Александрович

Старший преподаватель, кафедра Храмовое зодчество, Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

e-mail: nikolyasarkozi@inbox.ru

ABOUT THE AUTHORS**Petrov-Spiridonov Nickolai**

Senior Lecturer, Chair «Church Architecture», Chair «Architectural Practice», Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

e-mail: nicnord@mail.ru

Korotaev Nickolai

Senior Lecturer, Chair «Church Architecture», Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

e-mail: nikolyasarkozi@inbox.ru